

Нечаев П. В., проф. Современная война и задачи будущей школы: [Вступительная лекция в январе 1917 года] // Богословский вестник 1918. Т. 1. № 1/2. С. 19–38 (2-я пагин.). (Окончание.) Полная публикация: БВ 1917. № 8/9. С. 237–253 (2-я пагин.).

Современная война и задачи будущей школы,

(Окончание).

Сознавая всю важность воспитательнаго вліянія школы, почти всѣ типичнѣйшіе представители самобытной педагогической мысли стояли всегда за общее образованіе и за идеаль общечеловѣческаго воспитанія, а не за размноженіе научныхъ знаній, или—по крайней мѣрѣ, за необходимость согласованія нравственнаго воспитанія и умственной культуры, съ подчиненіемъ послѣдней требованіямъ морали и религіи. Въ этомъ смыслѣ вполне уже опредѣленно высказывался родовачальникъ новой педагогики, знаменитый славянинъ, Ам. Коменскій, который прямо говорилъ, что „не должны быть развѣдены три главныхъ украшенія души: образованіе, добродѣтель и благочестіе“¹⁾. По его же словамъ, „несчастный разладъ царитъ тамъ, гдѣ эти три качества не соединены взаимно неразрывными узами. Несчастно то воспитаніе, которое не переходитъ въ нравственность и благочестіе. Что такое науки безъ добрыхъ нравовъ? Кто успѣваетъ въ наукахъ и отстаеетъ въ добрыхъ нравахъ (такова старинная поговорка), тотъ больше отстаеетъ, чѣмъ успѣваетъ“. И дальше Коменскій даже не можетъ сдержатъ своего негодованія противъ ученыхъ, но безнравственныхъ людей, говоря про нихъ словами ветхозавѣтнаго мудреца Соломона: „Что сказалъ Соломонъ о красивой, но неразумной женщинѣ, то самое можно сказать о чловѣкѣ ученомъ, но ненравствен-

¹⁾ Великая дидактика. X. 7. (Перев. Адольфа и Любомудрова. Изд. книжн. магаз. „Начальная школа“, 1893).

номъ: „Что золотое кольцо въ носу у свиньи, то ученье для человѣка, отвратившагося отъ добродѣтели“.—Поэтому, Коменскій считаетъ истинной школой, вполне соответствующей природѣ людей, только такую школу, которую можно было бы назвать „истинной мастерской людей“, и въ которой все всесторонне учатся всему: мудрости, добродѣтели и благочестію“¹⁾.

Другой педагогъ, швейцарецъ Песталоцци, при учрежденіи своего пріюта въ Стансѣ главной задачей ставитъ воспитаніе въ дѣтяхъ высшихъ сторонъ человѣческой природы, пробужденіе въ нихъ истинной человѣчности. „Моя первая и существенная цѣль,—говоритъ онъ въ своемъ „Письмѣ о пребываніи въ Стансѣ“,—заключается въ томъ, чтобы при посредствѣ только что появившагося въ дѣтяхъ сознанія совмѣстной жизни и при посредствѣ только что начавшагося развитія ихъ силъ, сдѣлать ихъ братьями, сплотить весь домъ, какъ будто это была просто одна громадная семья, и уже на фундаментѣ этихъ отношеній и вытекающаго изъ нихъ настроенія оживить въ дѣтяхъ чувства справедливости и нравственности“ (§ 32).—А въ своей „Лебединой пѣснѣ“, разъясняя отношеніе умственнаго образованія и духовно-нравственнаго развитія, Песталоцци усиленно проводитъ ту мысль, что обученіе должно служить не только къ развитію и подъему мышленія, но и „къ общей конечной цѣли воспитанія человѣчности, именно—къ побѣдѣ духа надъ чувственно-животной природой или—къ созданію высшей, духовно-нравственной личности“ (§ 35).

Вотъ почему даже и Кантъ, этотъ корифей отвлеченной философской и педагогической мысли въ Германіи, также высказывается за принципы человѣчности въ воспитаніи и требуетъ, чтобы животная природа человѣка занимала подобающее ей подчиненное положеніе и не шла въ ущербъ его человѣческимъ свойствамъ. Во главѣ же всего должна стоять морализація человѣка или воспитаніе въ немъ нравственно доброй воли²⁾.

А Фрѣбель, знаменитый основатель дѣтскихъ садовъ, ставилъ цѣлью для школьнаго преподаванія такую задачу: по-

¹⁾ Тамъ же, XI. 1.

²⁾ Кантъ. О педагогикѣ. Пер. Любомудрова. Изд. 2 Тихомирова.

дойти съ разныхъ сторонъ къ Божеству, къ пониманію единства всѣхъ вещей и ихъ существованія въ Богѣ для того, чтобы впослѣдствіи поступать руководясь этимъ сознаниемъ; т. е. и у него, опять, надъ всѣмъ ходомъ воспитанія возвышается и имъ управляетъ нравственная идея, получившая религиозную санкцію ¹⁾.

Я намѣренно сдѣлалъ небольшой экскурсъ въ область исторіи педагогики, чтобы показать вамъ, что школа въ рѣшеніи своей общей культурно-просвѣтительной задачи можетъ опираться на твердую историческую почву и въ ней получать для себя надежное оправданіе. Въ своей культурно-созидательной работѣ она можетъ безбоязненно идти впередъ, памятуя, что она не предпринимаетъ чего-нибудь ужъ черезъ-чуръ новаго, а воскрешаетъ только полузабытыя благородныя идеи великихъ педагоговъ человѣчества.

Указанная мною задача школы—задача слишкомъ общая, правда, намѣчающая направленіе, въ которомъ должна развиваться будущая школьная дѣятельность, но еще мало дающая реальныхъ основъ для приложенія требованій новой педагогики къ конкретнымъ случаямъ жизни. Намъ нужно теперь какъ бы конкретизировать эту задачу и частнѣе опредѣлить всѣ, заключающіяся въ ней педагогическія возможности, подлежащія перенесенію ихъ въ обиходъ будущей школьной жизни и всего школьнаго строительства.—

Чтобы лучше понять всю будущую культурно-созидательную работу школы, намъ нужно яснѣе представить себѣ, какую именно разрушительную работу сдѣлала война и какія измѣненія произвела она въ обще-народномъ сознаниіи.

Я сперва буду приводить вамъ голые факты, которые всѣмъ слишкомъ хорошо, вѣроятно, извѣстны, а потомъ сдѣлаю изъ нихъ соответствующіе выводы.

Вотъ начинается война,—все равно, по чьему почину,—и сейчасъ же происходитъ грубое нарушеніе правъ маленькаго народа, вставшаго на защиту своей политической самостоятельности и просто пошедшаго за инстинктомъ самосохраненія: германцы безъ тѣни какого бы то ни было права самымъ дикимъ образомъ вторглись въ Бельгію, крошечную страну, которую они сами же обязались защищать. — Переѣхавши

¹⁾ Фрѣбель. Избр. педагогич. сочиненія. Т. I. Воспитаніе человѣка.

своими тяжелыми пушками эту, лежавшую имъ поперекъ дороги, красиво-геройскую страну, они подвергли её безчеловѣчнымъ мученіямъ, а свое варварское вторженіе стали оправдывать провозглашеніемъ принципа: военная необходимость выше закона. Существующій же международный договоръ они нахально разорвали, цинично обозвавъ его ничего не стоящимъ „ключкомъ бумаги“.—Потомъ происходитъ еще цѣлый рядъ правонарушеній съ грубымъ пренебреженіемъ къ понятіямъ чести, права и справедливости.

Затѣмъ событія начали развиваться дальше и скоро подарили намъ болгарскаго Фердинанда Предателя и вѣроломную политику царя Константина.

Одновременно съ этимъ начался цѣлый рядъ необыкновенныхъ жестокостей, проявляемыхъ, главнымъ образомъ, со стороны центральныхъ державъ.—Вотъ газеты приносятъ намъ извѣстіе, что нѣмцы безъ всякой причины разстрѣляли часть плѣнныхъ, которыхъ безоружныхъ и безпомощныхъ переводили изъ одного города въ другой. Вотъ тѣ же нѣмцы тоже плѣнныхъ, неисправно исполнявшихъ данную работу или пытавшихся уклониться отъ нея, подвергли жестокой пыткѣ въ видѣ вошедшаго уже у нихъ въ моду мучительнаго подвѣшиванія.

А то вотъ они подвергли жестокой казни миссъ Эдиту Гавель за то только, что она оказалась вѣрной своему патристическому и нравственному долгу.

Вотъ къ намъ приходитъ вырвавшійся изъ плѣна развѣдчикъ и не можетъ говорить, потому что нѣмцы за его молчаніе отрѣзали у него языкъ и—мало того—оторвали ушную душку, прокололи ноздри и переломали на рукахъ пальцы.—Вотъ нѣмцы потопили одно, другое, третье госпитальное судно, пустивъ ко дну всѣхъ бывшихъ на немъ раненыхъ, женщинъ и дѣтей. Вотъ они изобрѣли и первые пустили въ ходъ новые адскіе способы истребленія людей: удушливые газы и, говорятъ нѣкоторые, волны раскаленнаго воздуха, которые въ нѣсколько секундъ буквально испепеляютъ цѣлый полкъ солдатъ, если онъ попадетъ въ поле ихъ дѣйствія, и отъ нихъ уже нѣтъ никакого спасенія. И до чего люди озвѣрѣли и привыкли къ убійству людей же, не считая это даже убійствомъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что пріѣхавшіе съ фронта кавалеристы рассказываютъ съ увле-

ченіемъ, какъ хорошо было бы на плѣнныхъ учиться рубить пашками. Не менѣе же краснорѣчивъ и фактъ добиванія раненыхъ или — рѣшеніе многихъ полковъ плѣнныхъ не брать, т. е., предавать всѣхъ поголовному истребленію.

Или—вотъ еще фактъ: объявленіе нѣмцами безпощадной подводной войны. Конечно, и самъ по себѣ фактъ варварскій, но ужасъ весь не въ немъ (если уже подводныя лодки существуютъ, то подводной войны не можетъ не быть), а—въ его толкованіи, въ его мотивировкѣ и въ отношеніи къ нему общественнаго сознанія.—Совѣмъ недавно въ газетѣ отъ 18 февр. 1917 г. „Рус. сл.“ мы читаемъ: въ нѣмецкомъ Рейхстагѣ въ преніяхъ по поводу рѣчи канцлера, касавшейся объявленной нѣмцами безпощадной подводной войны, докладчикъ по вопросамъ иностранной политики отъ національ-либераловъ Шифферъ заявилъ: „Отклоненіе державами согласія нашего мирнаго предложенія развязало Германіи руки. *Теперь ужасъ гуляетъ по свѣту*, парализуя торговлю воюющихъ и нейтральныхъ странъ“.

Насколько эти слова грубо-циничны, настолько же они безнравственны и жестоки. Холоднымъ ужасомъ смерти и полной атрофіей всякаго нравственнаго чувства вѣетъ отъ нихъ. Смотрите, съ какимъ спокойствіемъ и безразличіемъ къ жизни человѣческой произноситъ ихъ нѣмецъ! Смерть пляшетъ по свѣту, загребаетъ всѣхъ, кто подвернется подъ руку—и отъ этого человѣкъ, повидному, получаетъ какое-то наслажденіе и отъ удовольствія даже потираетъ руками...

Передъ этими фактами меркнетъ даже цѣлый рядъ другихъ, тоже чудовищныхъ преступленій, которыя совершили нѣмцы по отношенію къ сокровищамъ наукъ и искусствъ, разрушивъ, напр., Реймскій соборъ, святыни Лувена, красоты Брюгге...

А возьмите вы жизнь—ну хотя бы въ русскомъ тылу: здѣсь прямо идетъ какая-то безобразная, грязная вакханалія,—пиръ во время чумы. Изъ всѣхъ щелей выползли подонки общества, обнаружили всѣ, гнѣздящіяся въ глубинѣ животной природы человѣка, звѣринныя инстинкты—и вотъ моряютъ голодомъ мирное населеніе, заставляють женщинъ плакать о болѣющихъ дѣтяхъ, а дѣтей—пухнуть и умирать съ голода; на проливаемой народомъ крови они воздвигаютъ себѣ великолѣпные дворцы, веселятся безопасно и рядятся

въ награбленныя драгоценности. На нихъ ничто не дѣйствуетъ: ни страхъ наказанія, ни голосъ общественнаго мнѣнія, ни угроженія давно заглохшей совѣсти, ни стоны вдовъ и сиротъ, ни мольбы о помощи и пощадѣ. Это—какіе-то духовно одичавшіе люди, кровожадные дикари, у которыхъ нѣтъ души человѣческой и вмѣсто сердца—камень, обросшій мохомъ зла и гнѣнія.

Во всемъ этомъ одичаніи людей сказалась та низость уровня нравственнаго сознанія, до которой дошло послѣднее, идя все по пути своего паденія. И это пониженіе нравственнаго уровня есть первое разрушительное дѣло войны, о которомъ говорятъ всѣ приведенные мною факты. Этотъ уровень опустился на такіе низы, дальше которыхъ уже идти некуда и за предѣлами которыхъ начинается полная безнравственность, наступаетъ царство безграничнаго господства дикой, разнузданной животности, не сдерживаемой никакими нравственными стимулами.

Это общее пониженіе нравственнаго чувства выразилось, въ частности, въ слѣдующихъ измѣненіяхъ, произведенныхъ войной въ общественно-народномъ сознаніи:

1) въ полномъ обезцѣненіи человѣческой жизни, которая для обычнаго нравственнаго сознанія расцѣпляется дорожке всякихъ благъ міра, а на войнѣ—обращаетъ людей въ пушечное мясо или дѣлаетъ ихъ мишенью для стрѣльбы изъ ружей и чучелами для рубки шашками ¹⁾;

2) въ полномъ униженіи человѣческой личности и въ уничтоженіи ея самодовлѣющей абсолютной цѣнности, той личности, развитіе и уваженіе которой до войны становилось послѣдней цѣлью всѣхъ возможныхъ нравственныхъ достиженій человѣка, и которая во время войны низведена до степени животнаго состоянія и потеряла всякую, даже относительную цѣнность;

¹⁾ Возвратившіеся съ фронта рассказываютъ, что тамъ жизнь человѣческая самымъ дѣломъ сведена къ нулю: сегодня, наканунѣ атаки, солдаты безопасно играютъ на гармоніи, поютъ цѣпи и пляшутъ, а завтра начнется смерть плясать вокругъ нихъ и скопится, быть можетъ, самыхъ веселыхъ. Товарищи отнесутся къ ихъ смерти совершенно безразлично, заруютъ въ могилу, если будетъ можно, или просто отодвинутъ въ сторону; вечеромъ будутъ опять плясать, а на полѣ сраженія—завтра съ холодно тупымъ безразличіемъ ждать и своей смерти.

3) въ притупленіи нервовъ, а также—въ уничтоженіи жалости и состраданія и вообще въ полной атрофіи всѣхъ тѣхъ чувствъ, которыми измѣряется высота нравственнаго, истинно человѣческаго развитія и достоинства;

4) въ устраненіи, благодаря полному нравственному одичанію, тѣхъ реальныхъ основъ, на которыхъ вырабатывается почва для совершенія поступковъ благороднаго геройства и самопожертвованія, равно какъ и—для исполненія самыхъ элементарныхъ требованій нравственности;

5) въ уничтоженіи чувства долга и заглушеніи совѣсти, не гарантирующей человѣку безопасности общежитія и твердости въ дѣйствіяхъ;

6) въ пренебреженіи понятіями права, чести и справедливости, которыя не являются теперь опорой для урегулированія взаимныхъ человѣческихъ отношеній въ общежитіи и для поддержанія собственнаго достоинства;

наконецъ, 7) въ опошленіи и загрязненіи религіознаго чувства, обращеннаго къ цѣлямъ братоубійства и призываемаго на служеніе къ тому же безошадному истребленію людей ¹⁾.

Не трудно теперь видѣть, что въ частности должна сдѣлать школа для выполненія всѣхъ своихъ культурно-моральныхъ заданій. Прежде всего, она должна повысить общій уровень индивидуальнаго и общественнаго нравственнаго сознанія. Затѣмъ: она должна поднять цѣнность человѣческой жизни и личности; она должна оздоровить нервную систему людей и возродить въ ихъ сердцахъ притупившіяся чувства жалости и состраданія; она должна вывести людей изъ состоянія нравственной одичалости и побудить ихъ на совершеніе поступковъ благородныхъ и самоотверженныхъ; должна научить людей уваженію долга и послушанію совѣсти, должна возвести на прежнюю высоту, низведенныя съ ихъ пьедесталовъ, высшія нравственныя понятія—чести, права и справедливости; наконецъ, школа должна облагородить религіозное чувство, освободить его отъ наносныхъ придатковъ и сообщить ему прежній видъ его идеальной чистоты, безкорыстія и мистической возвышенности...

¹⁾ Вспомните слова Вильгельма, въ чувствѣ упоенія своей особой и своей славой горделиво сказавшаго, что это—Богъ имъ помогаетъ—одерживать побѣды и придумывать новыя средства для убіенія людей.

Кромѣ указанныхъ мною измѣненій, произведенныхъ войною въ общественно-народномъ нравственномъ сознаніи, нужно еще отмѣтить тамъ одну особенность, на которой я считаю нужнымъ остановиться особо, равно какъ—и на той роли, которую должна здѣсь сыграть школа. Я разумѣю возвеличенное войной преклоненіе передъ физической силой, ведущей, въ концѣ концовъ, просто къ господству кулака.

Такъ, конечно, и должно было быть по естественному ходу вещей: война рѣшаетъ всѣ вопросы не правомъ и закономъ, не долгомъ и совѣстью, а огнемъ и мечомъ,—правъ тотъ, кто сильнѣе, побѣждаетъ тотъ, кто больнѣй и вѣрнѣй ударить. Поэтому, война поневолѣ центромъ тяжести дѣлаетъ физическую силу и развиваетъ уваженіе къ ней или, по крайней мѣрѣ, приковываетъ вниманіе къ ней; она заставляетъ людей заботиться о воспитаніи и укрѣпленіи того, что служить для людей источникомъ силы—ихъ тѣло.

Но усиленное вниманіе къ физическому здоровью, создавая культъ тѣла и несомнѣнно укрѣпляя его, можетъ направиться въ ущербъ развитію духа, такъ какъ будетъ вырабатывать вкусъ къ низшимъ чувственнымъ удовольствіямъ и постепенно заглушать высшіе духовные интересы. Такая крайность случилась уже въ Греціи, этой классической странѣ физическаго воспитанія; и тогда лучшіе люди ея останавливали её и говорили (слова Эврипида): „Въ Атикѣ много скверныхъ людей; но самые скверные—атлеты“.

Между тѣмъ, дѣти вѣдь очень любятъ свое тѣло и обнаруживаютъ какое-то удивительное стремленіе — добиться, напр., въ своихъ товарищескихъ отношеніяхъ, прежде всего, торжества своей физической силы, и этимъ масштабомъ измѣряютъ свое достоинство и опредѣляютъ положеніе въ обществѣ сверстниковъ. При этомъ, они иногда проявляютъ здѣсь какую-то особенную жестокость и кровожадность, объявляемую, вѣроятно, желаніемъ имѣть наиболѣе рельефныя и наиболѣе осязаемыя формы проявленія достигнутаго идеала, а можетъ быть и инстинктивнымъ предчувствіемъ того, что усовершенствованная физическая сила въ самой своей природѣ заключаетъ жестокость и притѣсненіе слабыхъ ¹⁾.

¹⁾ Вспомните, какъ у М. Твена въ „Приключеніяхъ Финна Гекельберри“ разсказывается о романтическихъ разбойникахъ, организовавшихъ

Поэтому, школа должна обратить самое тщательное внимание на разясняемую много сторону дѣла и должна наблюдать затѣмъ, чтобы ея заботы о физическомъ здоровьи дѣтей не впали въ крайность и не ослабили заботъ о духѣ и интересъ къ высшимъ его проявленіямъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что у насъ школа въ своихъ заботахъ о подвижныхъ играхъ, гимнастикѣ, спортѣ, прогулкахъ и пр., кажется, начинаетъ, по обычаю, слишкомъ увлекаться, создаетъ какія-то утрированныя формы и извращаетъ самый принципъ физическаго воспитанія, самъ по себѣ, конечно, похвальный и ничего, кромѣ одобренія, не заслуживающій. У насъ уже начинаютъ все отдавать на служеніе тѣлу: и руки, и ноги, и грудь, и животъ, и спину, и даже голову, предназначенную для своей специально умственной работы. Я имѣю въ виду очень распространенную въ наше время игру въ фут-болъ, въ которой дѣйствительно голова получаетъ совершенно не соответствующее ей назначеніе: отра-

въ грозную дѣтскую разбойничью шайку подъ предводительствомъ Тома Соуэра. Собравшись для начала дѣла, члены шайки связали себя страшной, кровавой клятвой—стоять за общее дѣло и не выдавать никогда тайнъ своего кружка. При этомъ они стараются придумать способы нападенія и защиты одинъ суровѣе и безпощаднѣе другого. Если кто-нибудь нанесетъ оскорбленіе члену шайки, то обидчикъ и его семья должны быть немедленно умерщвлены тѣмъ изъ разбойниковъ, кому это будетъ предписано атаманомъ. Получившему такое предписаніе воспрещается ѣсть и спать до тѣхъ поръ, пока онъ не умертвитъ намѣченныхъ жертвъ и не вырѣжитъ у нихъ на груди крестъ,—отличительный знакъ шайки.. Разгласившаго тайны шайки ожидала страшная участь: ему сперва перерѣзали горло, а затѣмъ сжигали его трупъ и разбивали его пепелью въ тру. Семья измѣнившаго шайкѣ должна быть вся вырѣзана.—Мальчики до того увлеклись своими кровавыми планами, что чуть-чуть не выгнали изъ своей среды Финна Гекка, когда у того не оказалось семьи, которую можно было бы зарѣзать на случай измѣны Финна. Финнъ было заплакать, но дѣло уладилось, когда онъ вспомнилъ о миссъ Ватсонъ, воспитывавшей бездомнаго мальчика. Её онъ предложилъ за себя въ поручительницы; её и рѣшено было зарѣзать въ случаѣ измѣны Финна.

Правда, можетъ быть, всѣ эти слова и клятвы не имѣютъ подъ собой реальной почвы и объясняются просто результатомъ разыгравшагося дѣтскаго воображенія, явущаго, прежде всего, яркости и рельефности образовъ и потому невольнаго создающаго подобныя картины, какъ будто исключительныя по своей жестокости. Но во всякомъ случаѣ уже самое появленіе подобныхъ мыслей и чувствъ въ сознаніи дѣтей должно быть весьма показательнымъ и характернымъ для разясняемой мною мысли.

жать, въ случаѣ надобности, летящій сверху на игрока мячъ. И этотъ нумеръ въ игрѣ считается даже особенно эффектнымъ, а картина, съ прыгающимъ по головамъ мячомъ—наиболѣе имѣющей право на аплодисменты зрителей. Поэтому игроки довольно охотно приучаютъ себя къ такой „головоломной“ работѣ, хотя эта работа ихъ головы, по своей интенсивности, не всегда соответствуетъ качествамъ той ея работы, которая ей не менѣе, если не болѣе приличествуетъ.

Правда, современная педагогическая мысль старается какъ будто нѣсколько смягчить интересъ къ тѣлу, и поэтому, напр., Кершенштейнеръ, являясь защитникомъ, такъ называемой, трудовой школы, полагаетъ, что центромъ тяжести надо считать не накопленіе знаній и не простое усовершенствованіе физическаго развитія, а развитіе духовно-моральныхъ способностей и способности къ ручному труду ¹⁾.

Но все это дѣлается какъ-то неохотно и мимоходомъ, и подлинныя интересы духа все-таки игнорируются ²⁾. А между тѣмъ, они должны быть выдвинуты на первый планъ и ихъ будущая школа должна поддержать передъ натискомъ на нихъ физической силы, возвеличенной войной. считая это своей прямой задачей вмѣстѣ со многими другими, о которыхъ я только что говорилъ.

Насъ съ вами теперь могутъ спросить: 1) почему мы всё эти задачи возлагаемъ на школу? и—2) въ силахъ ли школа выполнить эти задачи?

1) Извѣстный педагогъ Лай нѣсколько варьируетъ мысль Кершенштейнера.—онъ хочетъ создать такую школу, которая охватывала бы всё вещи активности, а не одну только ручную работу. Будущая школа должна быть не школой работы (Arbeitschule), а школой дѣйствія (Tatschule), воспитывающей въ ученикахъ настойчивую волю.

2) Посмотрите, какова организація современной „трудовой школы“ у Кершенштейнера и Лая въ упомянутыхъ ихъ трудахъ или у Дуэ въ соч. „Школа и общество“, и вы тамъ увидите массу научныхъ предметовъ, ручной трудъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, на широкихъ началахъ поставленное практически-техническое и теоретически-профессиональное образованіе. Но вы тамъ не встрѣтите интереса къ нравственной личности ребенка и къ заботамъ о воспитаніи его чувства и совѣсти, такъ какъ всё тамъ заполнено интересамъ, лежащими въ другой плоскости,—въ области утилитарныхъ и профессиональныхъ знаній.

По первому вопросу я долженъ сказать слѣдующее. Прежде всего, я потому возлагаю эти задачи на школу, что вѣдь у насъ, собственно, школа является главной воспитательницей подрастающихъ поколѣній, гдѣ воспитаніе можетъ быть организовано наиболѣе цѣлесообразно и наиболѣе правильно. Тамъ обычно, за рѣдкими исключеніями, получаютъ образованіе и подготовку къ жизни наши дѣти, будущіе граждане и носители новой, нарождающейся культуры.

И эти наши дѣти въ будущей школѣ будутъ нуждаться въ особомъ ея воспитательномъ вліяніи, ибо то коренное измѣненіе въ общенародномъ нравственномъ сознаніи, произведенное войной, которе я подробно описывалъ выше, несомнѣнно задѣло и дѣтей, если не все цѣлкомъ, то—въ наиболѣе существенной своей части ¹⁾.—Вы не думайте, что дѣти ужъ очень глупы и молча проходятъ мимо той дѣйствительности, которая ихъ окружаетъ, или—мимо того смысла, который въ нее влагаютъ взрослые: какъ бы ни стояли они въ сторонѣ отъ текущей жизни, но что-то-нибудь да должно же отразиться въ ихъ душѣ и воображеніи изъ того, что они слышатъ или видятъ.

Это—относительно фактовъ. А относительно идей надо даже сказать больше: вѣдь идеи не являются чѣмъ-то замкнутымъ, неподвижно-мертвымъ матеріаломъ; наоборотъ, онѣ оказываются чѣмъ-то органическимъ, чѣмъ-то носящимся и

¹⁾ Въ первой книжкѣ новаго педагогическаго журнала: „Психологія и дѣти“, въ статьѣ Маріи Пичета „Французскія дѣти и война“, сообщаются нѣкоторые интересные результаты наблюденія надъ французскими школьниками главнаго инспектора народнаго просвѣщенія Эдуарда Пти. По его наблюденію дѣти не остались глухи даже къ столь шумѣвшей среди дипломатовъ теоріи „клочка бумаги“ и выражали по отношенію къ этой теоріи свое особое негодованіе. И вообще французскіе школьники, воспитанные въ принципахъ права и справедливости, чрезвычайно чутко въ текущую войну относятся ко всякому проявленію зла, жестокости и насилія (см. статью Ed. Petit „De l'ecole à la guerre. Temps 15 mai 1916).—Быть можетъ, изъ вниманія къ такой чуткости и къ такой политической зрѣлости школьникова одинъ изъ ректоровъ французской школы Парь дѣлаетъ распоряженіе, чтобы во всѣхъ французскихъ лицахъ была прочитана статья изъ англійскаго журнала, гдѣ выражены чувства Англіи по отношенію къ Франціи. Затѣмъ, онъ предлагаетъ всѣмъ преподавателямъ разказать ученикамъ про мученическую кончину Эдиты Гавель.

вѣющимъ въ воздухѣ, чѣмъ-то солидарнымъ и преемственнымъ; онѣ окутываютъ людей, какъ окружающая ихъ атмосфера и заражаютъ души ихъ своими микробами, вліяя на нихъ произвольно и незамѣтно и оставляя едва ощутимый слѣдъ въ ихъ сознаниіи.

Вотъ какъ франц. писатель Мюссэ въ своей „Confessions d'un enfant du siecle“ описываетъ вліяніе людей на подрастающее поколѣніе 1): „Во время войны Имперіи, въ то время, какъ мужья и братья были въ Германіи, тревожныя матери произвели на свѣтъ поколѣніе горячее, блѣдное, нервное. Зачатыя въ промежутки битвъ, воспитанныя въ училищахъ подъ барабанный бой, тысячи дѣтей мрачно озирали друга друга, пробуя свои слабыя мускулы. По временамъ появлялись къ нимъ покрытые кровью отцы, подымали ихъ къ залитой въ золото груди, потомъ слагали на землю это бремя и снова садились на коней.

Но война окончилась; Кесарь умеръ на далекомъ островѣ. Тогда на развалинахъ стараго міра сѣла тревожная юность. Все эти дѣти были капли горячей крови, напоившей землю: они родились среди битвъ. Въ головѣ у нихъ былъ цѣлый міръ; они глядѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги,—все было пусто, и только приходскіе колокола гудѣли въ отдаленіи“.

Значить, дѣйствительно, война не могла пройти для дѣтей безслѣдно и, конечно, захватила ихъ своимъ бурливымъ, разрушительнымъ потокомъ, хотя они, быть можетъ, этого и не сознаютъ сами. И если взрослые въ эту войну нравственно одичали, и мы видѣли какъ, то до какой же степени мугутъ одичать дѣти, психика которыхъ болѣе эластична и болѣе поддается всякаго рода окружающимъ вліяніямъ.—А до какой, правда, ужасной степени можетъ дойти одичаніе дѣтей, вы сейчасъ увидите изъ нижеприводимаго примѣра.—

Rauber въ своемъ интересномъ сочин. „Homo sapiens ferus“ рассказываетъ объ одной замѣчательной дѣвочкѣ изъ Сончи.

1) Я привожу эту выдержку изъ „Исповѣди сына вѣка“ потому, что она очень красочно и очень ярко и точно выражаетъ разясняемую мною мысль. На ней же ссылается нашъ рус. критикъ Ап. Григорьевъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ.

которая появилась въ сентябрѣ 1731 г. въ этой деревнѣ, около Шалоня въ Шампани. На видъ было ей лѣтъ 9—10. Она была босая, тѣло ея было прикрыто тряпками и шнурками, въ рукѣ у нея была деревянная палка. Когда на нее натравили собаку, она преспокойно подпустила ее къ себѣ и убила ударомъ палки по головѣ. Вскорѣ она убѣжала обратно въ поле, взобралась быстро на дерево и тамъ заснула. Когда она проснулась, ее сманили съ дерева и водворили въ замокъ, находившійся около деревни. Даннаго ей здѣсь въ кухнѣ кролика она задавила и съѣла сырымъ. Она была крѣпкаго сложения и очень ловка; большіе пальцы рукъ были сильно развиты, что зависѣло отъ частаго лазанья по деревьямъ, причемъ она очень легко перебиралась съ одного дерева на другое. Вскорѣ она научилась дѣлать отверстія въ стѣнахъ и крышахъ и, проскальзывая черезъ нихъ, по деревьямъ пробовала убѣгать изъ мѣста своего заточенія, куда, однако, скоро ее возвращали. Движенія ея были настолько быстры, что она налету ловила дичь; точно также она ловко ныряла, ловила руками рыбу и съѣдала ее въ сыромъ видѣ, равно какъ и лягушекъ. Рѣчь у нея была замѣнена крикомъ. Трудно было ее отучить отъ употребленія сырого мяса, листьевъ, вѣтвей и корней.—Два года послѣ ея поимки она все еще охотно ловила рыбу въ водѣ.—Уравнявшись какъ-то разъ изъ замка, гдѣ она находилась, она одѣтая бросилась въ прудъ и доплыла до находящагося на немъ острова; здѣсь она наловила себѣ лягушекъ и съ наслажденіемъ съѣла ихъ.

Потомъ эта дѣвочка подверглась культивировкѣ воспитанія; она изучила даже французскій яз. и приобрѣла довольно большую ловкость въ исполненіи женскихъ ручныхъ работъ. Она ничего не помнила о томъ, какъ попала въ лѣсъ и полагала, что происходила отъ деревьевъ и почвы (L. c., стр. 41).

И не хочу дѣлать здѣсь какихъ-либо обобщеній и даже склоненъ допустить, что въ приведенномъ случаѣ природа просто выкинула одинъ изъ своихъ довольно частыхъ фокусовъ, рассказавъ намъ историческій анекдотъ. Но если это и анекдотъ, рассказанный самой природой, то анекдотъ очень характерный, и уже самая возможность его показываетъ, до какой степени природа ребенка можетъ быть податлива въ

сторону тѣхъ условій, которыми будетъ окружено его дѣйство; и какъ, поэтому, надо быть внимательнымъ ко всему тому, что происходитъ вокругъ ребенка.

Что касается второго вопроса, то онъ вводитъ насъ въ сферу разсужденій о принципиальной возможности воспитанія. Этотъ вопросъ очень сложный и въ исторіи педагогики рѣшается различно ¹⁾. Я не буду вводить васъ въ область всѣхъ долгихъ разсужденій на эту тему, а скажу только, что я въ этомъ вопросѣ стою на точкѣ зрѣнія Канта, утверждавшаго, что человѣкъ дѣлается человѣкомъ только благодаря воспитанію, и слѣдовательно, рѣшаю его въ положительномъ смыслѣ, и затѣмъ — укажу кратко, съ литера-

1) Нѣкоторые педагоги философы и публицисты принципиально отрицаютъ возможность воспитанія. Первоначально такой отрицательный взглядъ получаетъ метафизическое обоснованіе и развивается въ связи съ философскими воззрѣніями, какъ напр., у Спинозы, признававшаго врожденность человѣческаго характера, или — у Шопенгауэра, учившаго о прирожденности добродѣтели и порока. Потомъ, такой взглядъ пытаются обосновать біологически, на почвѣ ученія о наследственности и принципа эволюціи, каковую попытку можно видѣть у французскаго психолога Рибо въ соч. „Наслѣдственность душевныхъ свойствъ“ и англійскаго антрополога Галтона въ соч. „Наслѣдственность таланта“. Этотъ же взглядъ развивается до крайности недавно умершій итальянскій ученый Ломброзо въ соч. „Геній и сумасшествіе“. — Иногда въ пользу такого взгляда выставляются этические основанія, какъ, напр., у нашего русскаго критика и публициста Писарева. Послѣдній, принципиально отрицая всякое воспитаніе, какъ насиліе надъ личностью, говоритъ: воспитывать — это значитъ „врываться въ интеллектуальный міръ другого человѣка съ своей инициативой, а это — „безчестно и нелѣпо“: безчестно потому, что воспитывая нашихъ дѣтей, мы втискиваемъ молодую жизнь въ тѣ уродливыя формы, которыя тяготѣли надъ нами; мы поступаемъ такимъ образомъ съ такими личностями, которыя сами не могутъ еще ни подать голоса, ни заявить протеста“; а нелѣпо потому, что хозяинъ, вступивъ во владѣніе, непременно разрушитъ выстроенное нами зданіе. „Природа даетъ дѣтямъ молочные зубы, которые потомъ выпадаютъ и замѣняются настоящими. Ну, а мы, — должно быть для симметріи, — вкладываемъ имъ въ голову молочныя идеи, которыя потомъ также выпадаютъ и также замѣняются настоящими“. Поэтому Писаревъ опредѣленно заявляетъ, что „воспитывать слѣдуетъ вообще какъ можно меньше“: а умный и широкій развитый человѣкъ, — но его мнѣнію, — никогда и не рѣшится воспитывать ребенка“... (Статья Писарева: „Стоячая вода“, т. I; „Наша университетская наука“, т. III; „Промаша незрѣлой жизни“ и — „Школа и жизнь“, т. IV; „Образованная толпа“, т. VI и др. Полное собр. сочиненій Писарева. Изд. Павленкова. СПб. 1909 г.).

турными иллюстраціями, тѣ факторы, которыми школа можетъ воспользоваться для осуществленія своего воспитательнаго вліянія на учениковъ. Этими факторами являются: воспитаніе при помощи внушенія, воспитаніе при помощи подражанія и воспитаніе силою мысли или идеи.

Обычно, при своемъ дѣйствіи всѣ эти факторы переплетаются между собою и о каждомъ изъ нихъ порознь можно говорить только по преобладающему вліянію того или другого.

Вотъ вамъ примѣры.

У Анатоля Франса въ „Книгѣ моего друга“ рассказывается, какъ мальчикъ, мечтая о славѣ и думая было сперва сдѣлаться полководцемъ, рѣшилъ потомъ лучше сдѣлаться святымъ. Зная хорошо жизнь угодниковъ Божіихъ, онъ захотѣлъ во всемъ такъ поступать, какъ поступали они, и началъ съ того, что отказался отъ завтрака. Потомъ, вспомнивъ, что Сумеонъ Столпникъ проводилъ свою жизнь, стоя на камнѣ, онъ отправился въ кухню и взобрался тамъ на плиту у водопроводнаго крана. Судьба не судила ему жить на этомъ возвышеніи, ибо его быстро убрала оттуда прислуга. Тогда онъ рѣшилъ подражать Св. Николаю изъ Патраса, который роздалъ свое богатство бѣднымъ: изъ кабинета отца черезъ окно онъ началъ выбрасывать на улицу новыя, подаренныя ему, блестящія монетки въ одинъ су; потомъ выбросилъ игральные шарики, кнутикъ и нѣсколько волчковъ. Эти благочестивыя занятія были прерваны возмущившимся отцомъ. Мальчикъ рѣшилъ, что отецъ его не такъ святъ, какъ онъ, и поэтому, не раздѣлить съ нимъ славу блаженной жизни.—Для окончательнаго достиженія святости онъ рѣшилъ надѣть на себя власяницу: онъ разорвалъ кресло, надергалъ конскихъ хвостовъ и началъ засовывать ихъ себѣ за шею...

Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ ребенокъ самъ внушилъ себѣ цѣлый рядъ мыслей, и эти мысли сейчасъ же произвели рядъ соответствующихъ реальныхъ дѣйствій.

Еще болѣе яркій примѣръ внушенія и его дѣйствія уже со стороны взрослыхъ мы находимъ у одного интереснаго французскаго писателя, большого знатока дѣтской души, Леона Франье ¹⁾. У него есть замѣчательный, глубоко-пси-

¹⁾ Леонъ Франье—однѣ изъ лучшихъ современныхъ французскихъ писателей беллетристовъ, произведенія котораго отличаются яркостью

хологическій разсказъ „Баррикада“. — Въ этомъ разсказѣ писатель повѣствуетъ о томъ, какъ одинъ англійскій психологъ, сэръ Чарльзь Больтонъ, ѣздитъ по свѣту и изучаетъ дѣтскую душу для опредѣленія національнаго характера народовъ. Въ Парижѣ ему рекомендовали школу „Каменниковъ“ въ Менильмонтанскомъ предмѣстьѣ, куда онъ и отправился. Прибывъ на урокъ, Больтонъ попросилъ учительницу школы, м-ле Бордъ, сообщить дѣтямъ краткія и общезвѣстныя свѣдѣнія о баранѣ. Учительница начала вести урокъ, пользуясь обычнымъ теперь приемомъ—иллюстраціей разсказываемаго картинками, которыя рисуетъ по мѣрѣ хода разсказа, самъ разсказчикъ на классной доскѣ.—Вотъ м-ле нарисовала красивый пейзажъ и на фонѣ его барана.—Затѣмъ на доскѣ фигурируетъ пастухъ, овчарня, стрижка шерсти. Потомъ появляется овца—мать и, наконецъ, маленькій жизнерадостный ягненокъ... Вдругъ мадемуазель перестаетъ рисовать, съ строгимъ лицомъ обращается къ дѣтямъ и говоритъ имъ: „вы знаете, дѣти, нужно ѣсть, чтобы жить, и мясо животныхъ—превосходная пища. И вы сами, конечно, любите и котлетки, и жареную баранину. А если природа это разрѣшаетъ, если такъ устроено, чтобы люди питались животными, дѣлать нечего—намъ придется зарѣзать нашего ягненочка“. И вотъ на доскѣ появляются: сарай—это бойня; веревка и крюкъ, чтобы подвѣсить ягненочка; вотъ чурбанъ—плаха, гдѣ будутъ рубить его тѣло, а вотъ и ножъ...—

Въ этотъ моментъ въ классъ вошла прислуга и доложила, что прибыла директриса съ главнымъ инспекторомъ. Учительница и Больтонъ на время должны были оставить классъ. Когда же они съ новыми гостями вошли къ ученикамъ, глазамъ ихъ представилась странная картина, и они не узнали только что оставленной комнаты.

Тяжелый столъ м-ле Бордъ былъ перевернуть бокомъ, и вокругъ черной доски съ изображеніемъ ягненка на ней угрожающе возвышалась... *баррикада!* Парты были сдвинуты

художественныхъ образовъ и поражаютъ глубиною психологическаго анализа душевнаго настроенія героевъ. Въ области разработки дѣтской психологии, кромѣ небольшихъ разсказовъ, каждый изъ которыхъ представляетъ вполне законченное и цѣльное художественное произведеніе, онъ написалъ еще большой и интересный педагогическій романъ: „Материнская школа“, переведенный почти на все европейскіе языки.

со своихъ мѣсть и нагромождены одна на другую, и все маленькое населеніе страны сплотилось вокругъ этой, точно изъ земли выросшей крѣпости—слѣва, справа, спереди и сзади... Въ щели баррикады смотрѣли—иные—со страхомъ, иные—съ угрозой—десятки дѣтскихъ глазъ, точно готовыхъ къ залпу ружейныхъ дула. —Каждый изъ дѣтей занималъ позу, соответствующую его индивидуальности, но всѣ вмѣстѣ,—всѣ глаза, всѣ рты, всѣ щеки, напряженные, дрожащія, въ одинъ голосъ съ дерзостью отчаянія твердили одно: „мы не дадимъ убивать ягненочка!“—

Въ отвѣтъ на эту картину сэръ Болтонъ одушевленно воскликнулъ: „Ура! великимъ дѣтямъ великаго народа“.

Неизвѣстно, рассказываетъ ли Леонъ Франье въ приведенномъ примѣрѣ дѣйствительный случай или же просто облекаетъ въ форму поэтическаго вымысла свою педагогическую мысль,—во всякомъ случаѣ глубоко-идейное психологическое содержаніе разсказа совершенно ясно и рельефно показываетъ намъ, какъ дѣйствительно можно, при искреннемъ желаніи и нѣкоторой доли искренняго воодушевленія, связаннаго съ любовью къ дѣлу, внушить дѣтямъ свои мысли съ такой реальной силой, что внушенныя мысли сейчасъ же вызываютъ соответствующія чувства и дѣйствія.

Что дѣйствительно внушенная мысль можетъ непреодолимо вліять на волю человѣческую, это доказывается и общепсихологическимъ положеніемъ относительно того, что идея представляетъ изъ себя громадную реальную силу, могущую подчинить себѣ всего человѣка. Извѣстно, что внушеніемъ излѣчиваются даже случаи сумасшествія.—Кантъ, напр., въ своей „Философіи духа“ рассказываетъ объ очень любопытномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ практикѣ одного психіатра: нѣкто помѣшался на странной мысли, что къ нему въ животъ вѣхалъ возъ съ сѣномъ и произвелъ тамъ странную революцію: катается по всѣмъ кишкамъ, стучить, гремитъ и ни днемъ, и ни ночью не даетъ ему покоя. Всѣ убѣжденія родныхъ и знакомыхъ, что это—чепуха, конечно, не успокаивали, а только раздражали его.—Когда больного привезли въ лечебницу, докторъ внимательно выслушалъ его, изслѣдовалъ его животъ и вполнѣ съ нимъ согласился, что у него тамъ дѣйствительно катается какой-то возъ, но—его ничего не стоить оттуда выгнать. Нужно только слушаться доктора

и соблюдать прописанную терапію. Онъ далъ ему какихъ-то безвредныхъ порошковъ, а на слѣдующій, кажется, день прописалъ рвотнаго и предупредилъ, что это лекарство должно уже подѣйствовать окончательно.—Когда наступилъ моментъ дѣйствія, больного подвели къ окну, а въ это время растворились больничныя ворота и изъ нихъ выѣхалъ настоящій возъ съ сѣномъ. Больному разъяснили, что это—какъ разъ вышедшій изъ него возъ. Такому наглядному доказательству онъ не могъ не повѣрить и вылѣчился: вечеромъ онъ уже не ощущалъ въ животѣ никакой ѣзды и грохота.

Теперь я вамъ приведу примѣръ для разъясненія послѣдняго воспитательнаго фактора—подражанія,—разъясняющій, насколько развита въ дѣтяхъ подражательность и какъ они точно усваиваютъ окружающую ихъ дѣйствительность.

У Гл. Успенскаго въ разсказѣ „Малые ребята“ разсказывается, какъ дѣти, подражая только что происшедшему случаю,—поимкѣ почтальона, хотѣвшаго утащить сумку съ деньгами,—играютъ въ вора. При этомъ они, по замѣчанію автора, своимъ умомъ и душой воспринимая все, что предлагаетъ имъ дѣйствительность, воспроизводятъ её съ безпощадной фотографической вѣрностью.

По всѣмъ комнатамъ и черезъ комнаты на дворъ несется въ садъ толпа ребятнишекъ, всѣ въ возрастѣ до 10 лѣтъ и догоняютъ вора. Воръ, роль котораго исполняетъ сынъ деревенскаго бобыля, годъ просидѣвшаго въ острогѣ, какъ вѣтеръ несется съ сумкой, закинувъ голову назадъ, прижавъ сумку къ груди весь потный и блѣдный. Вора ловятъ, когда онъ спотыкается о бревно, отнимаютъ сумку, связываютъ и начинаютъ судить. Дѣти сельской интеллигенціи исполняютъ господскія роли: исправника и станового.

Вора поймали, связали.

„Что теперь? спрашиваютъ мужики“.

„Теперь къ становому, отвѣчаютъ лавочники“.

„Мы—десятскіе, вы—свидѣтели, а Володя съ Колеѣ становой и исправникъ. Володя! садись на стулъ допрашивай!“

Володя садится на стулъ, но не знаетъ, что дѣлать.

„Ругай!—совѣтуютъ ему. Ругай его сперва: мошенникъ! каналья! упеку!“

Володя ругаетъ.

„Ударь его по мордѣ!“

Но Володя конфузится, а лавочники говорят: „Это исправникъ его ударить. Володя! ты говори: ведите его, подлеца, къ исправнику!“

Ведутъ къ исправнику, по дорогѣ толкая вора въ спину. Коля—исправникъ сидитъ на стулѣ, но тоже не знаетъ, что ему дѣлать.

„Бей его сначала по щекѣ! совѣтуютъ знатоки“.

Коля затрудняется, но ему говорятъ:

„Ты такъ, не вразправду, коснись только!“

„Ну теперь приказывай: въ холодную его, шельму!“

Коля приказываетъ.

Вора сажаютъ въ холодную, на лѣстницу, ведущую на чердакъ, и лавочниковы дѣти припираютъ дверь цалкой.

„Вотъ такъ-то, говоритъ десятскій: посиди-ка, другъ любезный, въ тепломъ мѣстѣ!“

„Что же теперь? спрашиваетъ исправникъ“.

„Ты молчи; теперь онъ прощенья будетъ просить, а ты не слушай“.

И точно, запертый въ холодной вора, такимъ рыдающимъ голосомъ, съ такими надрывающими душу мольбами начинаетъ умолять о помилованіи, что у исправника немедленно же глаза наполняются слезами.

„Выходи, Маша!—говоритъ онъ жалобно, забывая, что онъ исправникъ“.

Но тутъ уже самъ вора дѣлаетъ ему замѣчаніе.

„Такъ нельзя скоро! уже своимъ и нѣсколько обиженнымъ голосомъ отзывается онъ изъ-за двери“.

Какая же это игра будетъ?

Ты меня до-олго не пуцай! Я буду вопить, а ты мнѣ кричи: „нѣтъ, подлецу, пощады“.

И начинается опять, еще болѣе ужасный вопль. Но исправникъ уже старается не плакать, чтобы не испортить игры, пріучается не слышать этихъ воплей и твердить: „нѣтъ! нѣтъ!“

— Ну, будетъ! говоритъ самъ вора и толкаетъ дверь.

Его выпускаютъ. Порядокъ требуетъ, чтобы за тюрьмой слѣдовало наказаніе „скрозь строй!“

„Сколько прикажете дать ударовъ? спрашиваютъ лавочники“.

„Сто! говоритъ исправникъ, не умѣющимъ считать до 10“.

„Ну, что больно много! возражаетъ самъ вора. Эва!“

„Двадцати будетъ! говорятъ мужики“.

Приносятъ прутья, „силомъ“ валяютъ вора на полъ. Исправнику совѣтуютъ кричать: „бей сильнѣй! Воръ, какъ и требуется, „вопить“, но все слабѣй и слабѣй: это значитъ, что его засѣкаютъ. Наконецъ, онъ умолкаетъ. Онъ безъ памяти. Десятскіе и мужики на рукахъ несутъ его и кладутъ на большую плетеную корзину.

Это—лазареть.

Игра кончилась“.

Этотъ рассказъ настолько красоченъ и ярокъ, что онъ самъ говоритъ за себя и не нуждается ни въ какихъ разъясненіяхъ.

Но—уже довольно фактовъ, иллюстрацій и выводовъ. Я подхожу къ концу. Возвращаясь къ основной мысли своей темы, я долженъ сказать, что будущая школа должна выполнить грандіозную культурно-созидательную работу—должна насадить новую, истинно-человѣческую культуру въ подрастающихъ поколѣніяхъ; она должна приготовить для этой культуры почву въ душѣ ея будущихъ носителей, ликвидировавъ для этого соответствующими воспитательными средствами печальную, разрушительную работу современной войны и направивъ нравственное сознаніе индивидовъ и обществъ въ ту колею, изъ которой оно такъ энергично выбито нашимъ временемъ. Вся эта ея работа должна быть проникнута религіозно-нравственнымъ началомъ.

Во имя идеаловъ этой работы она должна не спорить о томъ, чѣмъ ей быть: школой труда или школой дѣйствія, а сдѣлать самый трудъ и дѣйствія добро-нравственными.

Хорошо, конечно, если школа надѣляетъ своихъ учениковъ обширными познаніями, но плохо, если эти познанія направляются не на благо, а на истребленіе человѣчества. И учёба, господа, дѣло хорошее, но повѣрьте—не она ведетъ впередъ новыя поколѣнія!

П. Нечаевъ.
